УДК 327.51; 327.57

Алексей СИНДЕЕВ

А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ (1963–1964 гг.)

Статья поступила в редакцию 01.08.2021

Аннотация. Данная статья открывает серию материалов, посвященных роли министра иностранных дел СССР Андрея Андреевича Громыко в формировании, развитии и поддержке политики безопасности и принципов, составляющих ее основу. Разрядка воспринимается автором как составная часть политики безопасности. В первой статье дано рабочее определение политики безопасности, выделены главные этапы дипломатической биографии Громыко, ставятся несколько вопросов, на которые автор планирует в дальнейшем дать более детальные ответы. В контексте изучения политики безопасности наиболее важными остаются проблемы обеспечения внешнеполитического континуитета, роли личностного фактора, соотношения тактических и стратегических подходов, поскольку при выделении и рассмотрении тактики и стратегии, как показано в статье, следует учитывать различия их понимания, состояния и реализации в политике и дипломатии. Последнее имеет существенную практическую значимость, так как баланс стратегического и тактического является предпосылкой для успешного построения системы безопасности в рамках одной или нескольких избранных парадигм. Автор считает, что ситуативно-описательная история (четвертый раздел статьи) представляет собой лишь один из возможных вариантов фиксации личностного фактора. Более значимым, с его точки зрения, оказывается феноменологический подход (третий раздел статьи), поскольку благодаря ему удалось выделить «правила Громыко» и представить с их помощью уроки, актуальные для современной политики безопасности. Материалы серии охватывают разные хронологические периоды, но объединены общим названием. Серию следует рассматривать как продолжение прежних статей автора, в которых изучалась роль А.А. Громыко и значение его дипломатической школы.

Ключевые слова. Громыко, политика безопасности, внешнеполитический континуитет, политическая стратегия, политическая тактика, дипломатическая стратегия, дипломатическая тактика.

Терминология, суть и новизна проблемы

Хронологические рамки статьи обусловлены началом «посткарибского этапа» сотрудничества сверхдержав и последними годами нахождения Н.С. Хрущева во

© Синдеев Алексей Александрович – д.и.н., профессор РАН, главный научный сотрудник Института Европы РАН. Адрес: 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.
E-mail: a_sin74@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021137149>

главе СССР. Под *политикой безопасности* понимаются конкретные шаги, направленные на реализацию цели (целей) безопасности и обеспечение таковой (равно национальной, региональной, межрегиональной и международной). В период холодной войны политика безопасности осуществлялась, как правило, в двух вариантах – тактическом и стратегическом. В первом случае речь шла о ситуационном противостоянии, решении текущих проблем и задач. Стороны приходили к договоренности, когда осознавали, что потенциал противостояния исчерпан или окажется вскоре исчерпанным. В стратегическом варианте ставка делалась на победу определенного мировоззрения, а значит – оптимальная модель безопасности была достижима только в отдаленной перспективе.

Политика безопасности представляла собой довольно противоречивый идейный континуум, поскольку в ее обосновании наблюдалось одновременное использование содержательных элементов обоих вариантов. В этом легко убедиться на примере цитаты из воспоминаний Хрущева: «Мы, – писал бывший первый секретарь ЦК КПСС, – добивались мирного сосуществования на государственной основе (*основная цель тактического варианта политики*)¹... Всегда противные стороны² (*указание на стратегический вариант*) ищут разные подходы к решению вопросов (*подтверждение объективного характера обоих вариантов*): то расстилают мягкие ковры, по которым шагают неслышной, кошачьей, мягкой походкой, то вдруг начинают рычать и издавать другие угрожающие звуки. В политике все должно быть соразмерено (*широкое понимание соизмеримости, смешение вариантов*)... взаимное обхаживание... при встречах (*традиционные тактические методы*)... очень много дают с точки зрения познания партнера, познания деятелей международной политики и глав государств, с которыми надо жить в мире или в войне (*вновь возникает стратегический вариант*). Во всяком случае, жить (*аморфная трактовка, значит, она может быть в обоих вариантах*). Ведь мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы беспокоят каждого (*тактический вариант*)»³.

Если сформулировать упрощенно, то оба варианта объединяла необходимость (вы)жить: в тактическом варианте акцент делался на выработку приемлемого промежуточного результата; в стратегическом – на желаемый (идеальный) конечный результат. Одновременная работа над обоими вариантами исключала системность и затрудняла (либо из-за недостаточной приоритетности, либо из-за явной иллюзорности) достижение устойчивости целей и результата.

В 1963–1964 гг. действовали три тяготящих фактора, важные для раскрытия предмета статьи:

¹ Здесь и далее в цитате *курсивом* даны комментарии автора статьи.

² См. заявление Н.С. Хрущева 1 июля 1963 г.: «Вы не обязаны нас любить, и мы даже горды этим, мы платим вам, капиталистам, той же монетой, но нельзя переходить границу» (Цит. по: Chruschtschows Westpolitik, 1955 bis 1964. Band 4: Außenpolitik nach der Kuba-Krise (Dezember 1962 bis Oktober 1964) / Wettig G. (Hg.). Göttingen: Oldenbourg, 2016. S. 138). Или сказанное им 5 августа 1963 г. министру иностранных дел Великобритании А.-Ф. Дугласу-Хьюму: «В случае войны идея социализма одержит полную победу» (S. 192).

³ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания (Часть IV. Отношения с Западом. Раздел «Холодная война: на Женевской встрече лидеров четырех держав»). URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_h/hrush54.php (дата обращения: 17.06.2021)

- повышенная занятость западных стран собственными проблемами;
- экономические трудности Советского Союза;
- слабость МИД СССР в партийно-государственной иерархии. В.М. Суходрев замечал по этому поводу: «Хрущев не уставал повторять своим иностранным коллегам – лидерам других стран: “Лучше всего по всем спорным вопросам могут договориться именно руководители государств. А уж если они не договорятся, то как можно ожидать, что проблемы разрешат люди менее высокого ранга”»¹.

Поскольку исследование политики безопасности осуществляется через личный фактор, необходимо сделать следующие уточнения:

- в дипломатической карьере Андрея Андреевича Громыко выделяются три больших периода: «дипломатические университеты» (1939–1957); «становление министра» (1957–1969); «золотые годы» (1970–1985). Длительное нахождение Громыко на посту министра иностранных дел СССР позволяет ученым изучать проблемы, связанные с континуитетом. Одной из наиболее интересных является проблема соотношения тактического и стратегического в политике безопасности Советского Союза²;

- в каждой статье серии автор будет пытаться ответить на пять вопросов: 1) О какой цели или целях безопасности нужно вести речь в данный период? 2) Каково соотношение стратегического и тактического? 3) Каким, с точки зрения Громыко, является тактический вариант политики безопасности в данный период? 4) Каким, по мнению Громыко, должен быть/оставаться стратегический вариант этой политики? 5) Что следует учитывать в формировании и проведении современной политики безопасности?

- в подобном подходе заключается научная новизна серии, так как происходит углубление не только знаний о политике безопасности, но и о содержании, роли и значении внешнеполитического континуитета. В полной мере роль Громыко может быть определена лишь после сравнения и анализа нескольких хронологических этапов. Поэтому в данной и нескольких последующих статьях будут представлены исключительно гипотезы.

О соотношении стратегического и тактического

10 июня 1963 г. президент США Джон Кеннеди выступил в Американском Университете со ставшей знаменитой речью³. Особого внимания заслуживают четыре тезиса:

¹ Суходрев В.М. Язык мой – друг мой: От Хрущева до Горбачева. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=148733&p=12> (дата обращения: 19.06.2021)

² Ср. у Анатолия Андреевича Громыко: «В каждом крупном государственном деятеле до конца его дней заложены два начала – человеческое и мировоззренческое, житейское и политическое» [Громыко Ан., 2009: 80]. См. также: [Пядышев, 2009; Шустов, 2009].

³ Здесь и далее текст речи цит. по: Речь Д.-Ф. Кеннеди в Американском Университете 10 июня 1963 г. URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/university.php> (дата обращения: 10.06.2021)

1. «[м]ы должны, – призвал Кеннеди, – иметь дело с реально существующим миром, а не с тем, каким он мог бы быть»;
2. «[т]отальная война, – констатировал президент, – не имеет никакого смысла...», потому что оружие массового поражения «не является единственным и... наиболее эффективным средством обеспечения мира», а «двум самым могущественным державам грозит самая серьезная опасность разрушения»;
3. мирное состояние – не постоянный процесс. «Он (мир, – А.С.) должен быть не статичным, – подчеркнул Кеннеди, – а динамичным, изменяющимся в соответствии с требованиями каждого нового поколения. Ведь мир – это процесс, путь решения проблем». Разоружение, по мнению Кеннеди, следует сопровождать «созда[нием] новы[х] институт[ов] мира»;
4. борьба ценностных систем не остановится: «Мы, американцы, – убеждал президент слушателей, – считаем коммунизм глубоко отвратительным как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение», но национальные интересы заставляют «содействовать тому, чтобы... разногласия не угрожали миру».

Фактически Кеннеди призвал временно отказаться от стратегического противостояния, борьбы и сконцентрироваться на тактическом взаимодействии, укреплении в «обстановке взаимной терпимости» статус-кво¹. Следование подобным установкам, несомненно, благоприятствовало воскрешению политики президента Франклина Рузвельта². Единственное исключение состояло, пожалуй, в том, что баланс сверхдержав пришлось бы дополнять балансом существующих блоков и альянсов, что делало первоочередной работу с союзниками.

Если бы удалось приобрести практический опыт такого сложносочиненного баланса, то стратегический и тактический варианты и связанные с ними противоречия стали бы менее актуальными [Ср: Dallek, 2013: 547–578; Giglio, 2006: 99–172; Snead, 2010: 87–108]. Однако любое текущее обострение при недоверии, происходившей в обоих лагерях эволюции союзнических отношений, проблематичности одновременного управления укреплением собственного блока и построением «стратегического партнерства», угрожало свести большинство усилий на нет.

В тех условиях Советский Союз находился перед выбором: либо отказаться от некоторых устаревших догм, сделать ставку на гибкую внешнюю политику, пре-

¹ Одна из причин состояла в том, что противоборствующие стороны были обязаны считаться с собственными ограниченными возможностями. 10 сентября 1962 г. Эйзенхауэр рассказал Кеннеди о беседе с Хрущевым: «“На каждую дивизию, – говорил ему Хрущев, – которую Вы направите в Германию, я могу направить десять, без малейшего труда”. И я ответил: “Нам это известно... Но это не то, о чем мы беспокоимся... Скажу Вам совершенно откровенно, я не хочу вести конвенциональную войну. Если Вы объявите войну, ... то она не будет конвенциональной”. Он сказал: “Тогда мне стало легче. Мы не можем себе этого позволить”». Схожим образом размышлял и действующий президент: «[Е]сли у нас не было бы берлинской проблемы и необходимости сохранять доступ через транзитные пути, то мы могли бы сказать, что нападение на любую часть Западной Германии стало бы для нас причиной применить атомное оружие. Они этого никогда бы не сделали» (John F. Kennedy: *Die geheimen Aufnahmen aus dem Weißen Haus*. Berlin: List, 2015. S. 90–91).

² О реакции Хрущева см.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: Центрполиграф, 2016. С. 103.

доставить МИД СССР большую свободу маневра в рамках утвержденного курса, параллельно изменяя содержание и реальное наполнение социалистического союзничества, подготавливая его к новым вызовам¹, либо воспринимать идеи, высказанные Кеннеди как тактические, обусловленные исключительно внутривосточной ситуацией, настаивать на продолжении и усилении борьбы с капиталистическим лагерем, т.е. «расстила[ть] мягкие ковры», а при необходимости... «издавать угрожающие звуки».

Хрущев, как видно из его записки членам Президиума ЦК КПСС, был сторонником второго варианта. Приведем три тезиса этой записки²:

1. «Правительство США, – писал Хрущев, – решило обнажить свой агрессивный курс и попытаться нас запугать, чтобы мы пошли на уступку и вывели войска с Кубы... именно в то время были совершены вооруженные нападения на советские торговые суда в кубинских водах». Поэтому Москва, по его мнению, должна активно и решительно действовать. После устного заявления посла А.Ф. Добрынина в адрес Роберта Кеннеди³, «американцы, – полагал Хрущев, – поразмыслили и увидели, что нажимом нас не возьмешь, что тут нужна другая тактика, другой подход»;
2. В предстоящей президентской кампании Джону Кеннеди понадобятся уступки от Советского Союза: «я считаю, – отметил Хрущев, – что сейчас отношения Советского Союза с Соединенными Штатами Америки... переживают новый период. Мы уже поставили Кеннеди перед необходимостью занять позицию обороны. Это... первый результат нашего наступления, которое... началось удачно... В этих условиях нам... не надо проявлять горячности и торопиться, надо тщательно обдумать следующие ходы с тем, чтобы продолжать нажим и добиться для себя более выгодных позиций по вопросам, которые требуют своего решения. Это в первую очередь – обеспечение невторжения на Кубу и германский вопрос, то есть заключение германского мирного договора. Это главное⁴»;
3. «[В]опрос, который мы сейчас ведем и довольно активно, – о прекращении испытаний ядерного оружия, – признавался Хрущев, – является, собственно,

¹ См. в книге Анатолия Андреевича Громыко: «В... период, который начался сразу после XX съезда КПСС, советская внешняя политика должна была уже в гораздо большей степени, чем раньше, учитывать интересы международного коммунистического и рабочего движения» [Громыко А., 2009: 60].

² Цитируется второй (утвержденный) вариант записки: Записка Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС о советско-американских отношениях, 20 апреля 1963 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Постановления. Т. 3: Постановления. 1959–1964 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2008. С. 479–482).

³ Текст беседы А.Ф. Добрынина с Р. Кеннеди 3 апреля 1963 г. см.: Сообщение посла СССР в США А.Ф. Добрынина о беседе с министром юстиции США Р. Кеннеди (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... С. 484–495). Р. Кеннеди оценил заявление посла как «оскорбительное» и прервал встречу (с. 495). В воспоминаниях А.Ф. Добрынин об этой встрече не упомянул, не считая, по всей видимости, ее, в отличие от Н.С. Хрущева, столь значительной.

⁴ В первом варианте записки Хрущева от 13 апреля 1963 г. вместо «нажима» предлагалось «продолжать наступление» (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964... С. 477).

не главным, а подсобным вопросом. Для нас достижение соглашения по нему конкретно мало что дает».

Если Кеннеди собирался медленно добиваться договоренностей с СССР по фундаментальным вопросам разоружения, контроля над разоружением и распространением ядерного оружия¹ (см. выше о динамике мира), приучая союзников и внутрисполитических оппонентов к постоянности и нужности диалога с Москвой², то Хрущев, вследствие текущих обострений и, по-видимому, из-за получаемой им развединформации, для подтверждения серьезности намерений требовал от США немедленных уступок в кубинском и германском³ вопросах, заключения договора (пакта) о ненападении между НАТО и ОВД⁴.

В условиях деколонизирующегося мира, очевидности собственных экономических и административных проблем традиционные внешнеполитические цели вряд ли пострадали бы, если они реализовывались бы более гибкими методами. Позднее Хрущев объяснил свой выбор значимостью стратегического варианта: «Мирное сосуществование социалистической и капиталистической идеологий невозможно... Тут надо вести борьбу до конца, и каждому здравомыслящему человеку ясно, что идеологические вопросы могут решаться только в борьбе и будут решены лишь в результате чьей-то победы»⁵.

Благодаря этому привлекательность промежуточного результата должна была зависеть не только от текущего политического успеха, но и от весомости вклада в «борьбу до конца». Иначе пришлось бы признать, что идеология и связанная с ней стратегия не имели никакой ценности.

¹ Спор о числе инспекций см.: Добрынин А.Ф. Указ соч. С. 97–99.

² При этом США не собирались отказываться от запрета на экспорт ряда товаров в СССР. Американские представители неоднократно просили Бонн воздействовать на Лондон, который, наоборот, устраивали условия торговли с Советским Союзом.

³ 14 декабря 1962 г. «Правда» опубликовала сообщение о выступлении Громыко на сессии Верховного Совета СССР, в котором министр иностранных дел подчеркнул готовность СССР заключить мирный договор с ГДР. 16 января 1963 г. Хрущев выступил в Восточном Берлине, где сделал заявление о наличии в СССР мощной водородной бомбы. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР был подписан в 1964 г. См. также: [Филитов, 2009: 270–272; Долгиевич, 2018].

⁴ Из аргументации Хрущева на встрече с министром иностранных дел Бельгии Полем-Анри Спааком 8 июля 1963 г.: «...Мы готовы к тому, чтобы заключить Договор о запрете испытаний под землей на основе, что будут установлены так называемые черные ящики, это уже международный контроль, но без инспекций... возможно либо – одно (инспекции, – А.С.), либо – другое («черные ящики», – А.С.)... Мы охотно заключили бы договор о ненападении... Несмотря на это... вопрос мирного договора с Германией решающий. Мирный договор – минимум, что необходимо для устранения напряжения» (Цит. по: Chruschtschows Westpolitik, 1955 bis 1964... S. 148). При этом Хрущев, наверняка, понимал, что Запад не пойдет на мирный договор между ГДР и ФРГ, на сосуществование двух систем на немецкой земле, на нейтрализацию объединенной конфедеративной Германии, поэтому он угрожал дополнительным давлением на Западный Берлин «пока Запад не почувствует, что для него лучше мирный договор» (с. 150). От мирного договора из-за приостановки западноевропейской интеграции и уменьшенного формата НАТО выиграл бы СССР.

⁵ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть...

Громыко: тактик или стратег?

Постановка данного вопроса лишь на первый взгляд носит провокационный характер. С одной стороны, Громыко писал в книге воспоминаний: «В современном мире сосуществуют общественно-политические системы – социалистическая и капиталистическая. Внешней политике социализма, и прежде всего, Советского Союза, противостоит курс империализма, ядром которого являются наиболее развитые в экономическом отношении капиталистические государства»¹. 2 сентября 1963 г. в беседе с вице-спикером бундестага либералом Томасом Делером Громыко был еще более категоричен: «Занятая... Советским Союзом политическая позиция верна и соответствует ленинскому курсу политического поведения в международных делах»².

С другой стороны, дипломатия в силу неизбежных компромиссов и временно-сти получаемых результатов не нуждается в идеологической зашоренности и не способна обойтись без преемственности курса. Серьезные отходы от прежнего курса всегда чреваты разрушением достигнутого и системной неустойчивостью. Иные способы обеспечения внешнеполитического континуитета, достижения долгосрочных стратегических целей и отстаивания национальных интересов в мировой дипломатии до сих пор отсутствуют.

Исходя из этого, стратегическое в политике (см. размышления Хрущева) и стратегическое в дипломатии различны по содержанию. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. Громыко рекомендовал сыну Анатолию Андреевичу Громыко, спросившему его о стратегии, обратиться к копенгагенской речи от 7 апреля 1956 г., в которой он, в частности, сказал: «Разногласия во мнениях, различные идеологические концепции не должны лишать людей возможности находить совместные решения фундаментальных проблем, сохраняя мир и укрепляя безопасность народов... Лучше обсуждать и спорить, стремясь к взаимопониманию, одновременно не позволяя себе вмешательства во внутренние дела друг друга... чем услышать грохот оружейных залпов, вой сирен, взрывы бомб, увидеть, как в пламени войны происходит массовое уничтожение людей и памятников их дел и духа» [Громыко Ан., 2009: 69–70].

Стратегия, по мнению Громыко, «складывается из ряда крупномасштабных действий, которые преследуют достижение целей, изложенных в доктрине» [Громыко Ан., 2009: 66]. Стратегия «всегда на виду, – утверждал министр иностранных дел СССР. – Это серия стратегических действий, подкрепляемых тактическими шагами» [Громыко Ан., 2009: 66]. Стратегия мыслилась через «стратегические действия» (дипломатическую деятельность), а доктрина – через общие принципы³.

Парадокс такой трактовки, легко объясняемый отмеченным выше объективным дисбалансом в восприятии стратегического в политике и дипломатии, состоял в

¹ Громыко А.А. Памятное: Книга вторая (Глава XVI, раздел «Два мира – две политики»). URL: https://booksafe.net/read/gromyko_andrey-pamyatnoe_kniga_vtoraya-204638.html#p4 (дата обращения: 03.06.2021). О коммунистических взглядах Громыко см. также: [Бес-смертных, 2019: 65].

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1963 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: Oldenbourg, 1994. S. 1081.

³ Громыко по этому поводу замечал: «Само слово "доктрина" у нас тоже не в ходу, мы говорим – "принципы мирного сосуществования"» [Громыко Ан., 2009: 67].

том, что дипломатическая стратегия сводилась до средства, обслуживающего политическую доктрину, но с помощью «крупномасштабных действий» вновь приобретала самостоятельность.

Особого внимания заслуживает отказ, применительно к дипломатии, от идеологических интерпретаций в духе борьбы за победу коммунизма, поскольку согласование и поддержание «принципов мирного сосуществования» в международных отношениях («мир – это процесс, путь решения проблем») априори не могут быть идеологизированными. Таким образом, «стратегия Громыко» – это одновременно стратегия профессионального дипломата и опытного министра (политика). Главными чертами были постоянство формирования, развития и отстаивания «принципов мирного сосуществования». Сходство с идеями Кеннеди не вызывает сомнений.

Объективные трудности дифференцированного разделения стратегической и тактической сторон дипломатии побудили Громыко заметить: «Стремление втиснуть сложную, разностороннюю деятельность дипломатов в формулы наподобие математических... можно объяснить лишь гипертрофированной любовью к дефинициям. Занятие подобного рода часто бывает малопродуктивным»¹.

Что касается целей политики безопасности, то речь, с точки зрения дипломата, должна прежде всего идти о «равенств[е] СССР с США и одинаковой безопасности»; поддержании военно-политического капитала страны; воздействии на общества контрагентов²; создании реального (безальтернативного) положения дел и последующей дипломатической борьбе за его признание³; успешном управлении разноплановыми процессами⁴. В случае необходимости не возбранялся тактический нажим на союзников⁵. Поэтому едва ли правильно приписывать политике безопасности современного периода уникальность и комплексность. Феномен безопасности и связанная с ним политика всегда комплексны.

¹ Громыко А.А. Памятное: Книга вторая (Глава XVI, раздел «Что это такое – дипломатия»)...

² По непонятным причинам такое воздействие воспринимается как нечто из ряда вон выходящее. Тогда как оно является лишь одним из средств внешней политики. Ср. у Громыко: «Если имеются резервы для достижения положительных результатов в общении с представителями правящих кругов стран НАТО, то существует еще больше возможностей для соответствующего воздействия на другие слои общества этих стран» (Громыко А.А. Памятное: Книга вторая (Глава XVI, раздел «Маятник в политике»)).

³ Отсюда и позиция СССР, озвученная Громыко: «Если оба германских государства договорились бы об объединении, то с советской стороны это объединение получило бы признание... в этом пункте позиция Советского Союза тверда как гранит». (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1963... S. 1082–1083).

⁴ Громыко об этом: «Может возникнуть вопрос, что важнее: международное разоружение или заключение мирного договора [с его значением для Европы]... оба являются важными... Советское правительство продолжит... обмен мнениями с Западом по этим и другим вопросам» (Ibid. S. 1090).

⁵ См. мнение западногерманского министра иностранных дел Г. Шредера о сказанном Громыко В. Ульбрихту: «Ввиду возможных инициатив другой стороны... некоторых сообщений, что Громыко сказал Ульбрихту, что советская зона оккупации (так в документе, – А.С.) должна быть поуступчивее, возникает вопрос, не окажется ли Запад вскоре в положении, когда ему понадобится... проявить инициативу» (Ibid. S. 1640).

Громыко и «плацдарм безопасности»

Устойчивость «плацдарма», успехи и неудачи в его сооружении и защите нагляднее видны в оценках дипломатов и политиков из других стран. На одно обстоятельство необходимо обратить внимание сразу: многие западные дипломаты предпочитали не замечать четыре правила, которыми руководствовался Громыко.

*Правило 1 – постоянно заботиться о развитии контактов с США*¹ [Соколов, 2009]. Если в январе 1963 г. на встрече с американским послом Фойем Колером на вопрос: имеет ли советская сторона в связи с временным отъездом посла в Вашингтон что-либо передать руководству США? – Громыко, следуя указаниям сверху, ответил отрицательно, то спустя несколько дней, пригласив Колера в МИД, министр вручил ему ноту, в которой «советское правительство [выразило готовность] продолжить... обмен мнениями по вопросам, связанным с мирным урегулированием в Германии и нормализацией на этой основе ситуации в Западном Берлине с целью завершения... переговоров путем достижения соответствующего понимания в ближайшем будущем...». «Советское правительство, – значилось в ноте, – даст указания своим представителям продолжить обсуждение конкретных вопросов... с учетом уже состоявшегося обмена мнениями с целью подготовки проектов... соглашений»².

Правило 2 – настаивать на «крупномасштабных действиях», к примеру на заключении договора (пакта) о ненападении между ОВД и НАТО. В июле 1963 г. Громыко в очередной раз объяснил западным коллегам советскую идею: «Пакт о ненападении принесет пользу всем, [он] уменьшит международную напряженность и послужит делу мира»³. Американцы соглашались рассмотреть идею пакта после урегулирования берлинского и германского вопросов. «После этого, – передает реакцию министра иностранных дел СССР У.-Р. Тайлер, помощник госсекретаря, – Громыко рассердился и заявил, что пакт о ненападении связан только с агрессией и ни с чем иным; неприемлемо стремиться соединить такие совершенно разные проблемы, как Берлин и Германия»⁴.

Любопытна другая часть аргументации У.-Р. Тайлера: «Ясно, – размышлял он, – что Советы хотят пакт о ненападении и при этом исходят из теории, что это облегчит решение проблем в Европе, вызовет международную разрядку и послужит делу мира. Запад всегда заявлял: “Пакт о ненападении, чтобы быть реалистичным, должен охватывать решение таких настоящих проблем, как германский и берлинский вопросы”»⁵. Таким образом, Запад, по признанию американской стороны, действовал тактически.

Правило 3 – уступать медленно, осторожно и грамотно, не забывая напоминать о комплексном характере проблем. В связи с этим показательны октябрьские встречи 1963 г. Громыко в США. 10 октября 1963 г. в беседе с Кеннеди советский дипломат пояснил: хотя «соединение пакта о ненападении с решением берлинской проблемы неприемлемо, так как это превратит пакт... в проблему мирного урегули-

¹ Громыко А.А. К вопросу о советско-американских отношениях, 14 июля 1944 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 45. Д. 603. Л. 4–34.

² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1963... S. 276. См. также: Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 96–97.

³ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1963... S. 836.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. S. 843.

рования, Советский Союз все же готов одновременно с заключением пакта о ненападении сделать заявление» о том, что «[с]оветское правительство неизменно выступало и продолжает выступать против применения силы при урегулировании всех спорных международных вопросов, включая вопросы, связанные с мирным урегулированием в Германии и нормализацией на его основе ситуации в Западном Берлине»¹. При этом «отказ от многосторонних атомных сил оставался... “по-прежнему предпосылкой для соглашений” о нераспространении ядерного оружия»².

Чуть раньше на встрече с госсекретарем Дином Раском и министром иностранных дел Великобритании Александром Дугласом-Хьюмом Громыко указал «на единств[о] между системой контрольных постов... и денуклеаризацией Германии, а также сокращением размещенных там вооруженных сил»³.

В диалоге с Раском относительно бомбардировщиков Б-47⁴, в чем американцы тогда проявляли большую заинтересованность, советский министр иностранных дел, отвечая на тезис госсекретаря («[М]еры в сфере разоружения, к примеру, уничтожение бомбардировщиков, – лучший путь для экономии средств на вооружения»), заметил, «что любой контроль и верификация разоружения их “безнадежно усложнят”»⁵.

Правило 4 – высказывать при необходимости критику. 7 февраля 1963 г. Громыко заявил западногерманскому послу: «[Г]ермано-французский договор представляет договоренность, направленную против безопасности других стран и особенно против Советского Союза»⁶. 3 октября 1963 г. он сообщил американскому и британскому коллегам, «что многосторонние ядерные силы противоречат принципу нераспространения»⁷.

Дипломатическая работа над «плацдармом безопасности» была сложной и многоуровневой. В плане политической тактики речь шла о совместной разработке с Соединенными Штатами и заключении на основе обновленного сотрудничества сверхдержав рамочного документа (к примеру, договора (пакта) о ненападении), в котором конкретизировались бы принципы последующего урегулирования спорных вопросов и, по словам американцев, «международной разрядки». В плане дипломатической тактики важно было выразить готовность к решению спорных вопросов (встреча с Колером), подтвердить предпосылки для продолжения переговоров, критиковать новые альянсы (франко-германский тандем) и углубление существующих союзнических отношений (инициатива о многосторонних атомных силах). В случае институционализации «*крупномасштабных действий*» в договорах и (или) соглашениях дипломатическая стратегия, в отличие от политической, могла бы считаться успешной [Громыко Ал., 2019].

¹ Цит. по: Ibid. S. 1432–1433.

² Цит. по: Ibid. S. 1580.

³ Цит. по: Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1964 / Schwarz H.-P. (Hg.). München: Oldenbourg, 1995. S. 58.

⁴ Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 108.

⁵ Цит. по: Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1963... S. 1583–1584.

⁶ Ibid. S. 283.

⁷ Цит. по: Ibid. S. 1580. Подробнее о многосторонних ядерных силах см.: [Лекаренко, 2014].

Несовпадение тактики и стратегии дипломатии и политики (как внутри лагерей, так и между ними) затрудняло сотрудничество. Очевидно, что американцы могли бы пойти навстречу СССР, поскольку подписание договора (пакта) о ненападении не ослабило бы их стратегически. Оно было невыгодно («опасно») для них лишь тактически. Максимально, на что стороны были готовы идти, – на заключение Договора о запрещении испытаний ядерного оружия¹.

Осуществление политики безопасности через тактику не должно считаться политикой. В лучшем случае – тактической игрой, в которой выискиваются слабые стороны партнера, угрозы и взаимосвязи².

Заключительные размышления

Специфика вводной статьи не предполагает решения всех поставленных в рамках ее предмета задач. Однако некоторые выводы-гипотезы все же необходимо сделать:

- в 1963–1964 гг. содержание политики безопасности определили две тенденции: сохранение статус-кво и осторожное нащупывание перспектив дальнейшего сотрудничества. Заключение договора о запрещении испытаний ядерного оружия ни СССР, ни США не считали значимым шагом. Однако и наступление на противника в период статус-кво, как намеревался Хрущев, было затруднительно;
- политика безопасности может быть разной, а значит – конкретные шаги, направленные на реализацию цели (целей) безопасности и обеспечение (национальной, региональной, межрегиональной и международной) безопасности, могут подчас не предусматривать «крупномасштабных действий» [Ср.: Hybel, 2014: 183–200]. Несмотря на это, работу над сохранением отношений придется считать конкретными шагами в политике безопасности;
- основной целью безопасности в то время стало укрепление достигнутого (собственного «плацдарма безопасности»). Без развития и гибкости длительное увлечение укреплением бессмысленно;
- сконцентрированность на статус-кво искусственно повышает значимость тактических игр и периферийных позиционных столкновений, результатом чего

¹ Полное официальное название – Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf; дата обращения: 24.06.2021). От имени правительства СССР договор подписал Громыко. Об одном из спорных вопросов на этапе подготовки Договора 23 июля 1963 г. Хрущев сообщил В. Ульянову: «Представители США и Англии предлагают: [Договор] должен содержать пункт, что три государства-участника должны призвать [другие государства] присоединиться к [Договору]... тов. Громыко выражает определенные сомнения... что китайцы могут обидеться на этот призыв... Лично я считаю, что данное предложение западных стран приемлемо, потому что его включение в... [Договор] было бы хорошо воспринято мировой общественностью и было бы очень полезным в отношении Франции и Китая» (Цит. по: Chruschtschows Westpolitik, 1955 bis 1964... S. 188–189). Сомнения Громыко были учтены.

² Ср.: «Из высказываний Хрущева и Громыко можно также заключить, что Советы рассматривают Соглашение о запрете ядерных испытаний как возможность политической изоляции Красного Китая» (Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1963... S. 837).

практически всегда становятся усиление взаимного недоверия и акцент на победу той или иной модели (системы), т.е. усиление идейного и операционного дисбаланса между политической и дипломатической стратегией;

- тактический вариант политики безопасности, по мнению Громыко, состоял в поддержании традиционных установок советской дипломатии, в частности выстраивания диалога с американцами и подготовки признания фактов «реально существующего мира»;
- стратегический вариант политики безопасности, по мнению Громыко, заключался в достижении такого состояния «пладарма безопасности» (не обязательно в военно-стратегическом его проявлении), который заставил бы противоборствующую сторону («капиталистическую систему») изменить «империалистический курс» и пойти на серьезное долгосрочное сотрудничество с Советским Союзом и социалистическими странами;
- если убрать из предыдущего вывода анахронизмы, то стратегический вариант политики безопасности в таком понимании не устарел до сих пор;
- включение в комплекс безопасности идеологий, соревновательности моделей (демократия vs авторитаризм) реконструирует дисбаланс между стратегическим в политике и дипломатии, ограничивает поле действия дипломатов, воскрешает разногласия, поскольку стороны, в силу различных причин, большее внимание должны уделять тактическим вопросам, теряя (при длительном увлечении тактикой) свои преимущества. Существует опасность, что стороны окажутся неспособными конструктивно договариваться и решать жизненно важные проблемы [Ср.: Максимычев, 2007]. В сложных ситуациях пользу принесет только стратегический диалог, в котором суть политической и дипломатической стратегии совпадает. Отказ от него свидетельствует о намеренном нежелании и неготовности действовать системно, без противоречий, новых проблем и трудностей.

Список литературы

- Бессмертных А.А. (2019) Тень Мастера. *«Война между государствами – великое зло»: К 110-летию А.А. Громыко*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Москва: Весь мир, ИЕ РАН. С. 58–72.
- Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. *«Война между государствами – великое зло»: К 110-летию А.А. Громыко*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Москва: Весь мир, ИЕ РАН. С. 84–102.
- Громыко Ан.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Москва: Научная книга. 444 с.
- Долгиевич Р.В. (2018) *Западный Берлин и советская дипломатия (1963–1969 гг.)*. Санкт-Петербург: Алетей. 244 с.
- Лекаренко О.Г. (2014) Американо-западногерманские дискуссии по проекту создания многосторонних ядерных сил. *Германия на перекрестках истории: проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений*. Отв. ред. С.И. Дмитриева. Вып. 5. ВГУ, Воронеж. С. 3–12.
- Максимычев И.Ф. (2007) Холодная война или историческая норма? *Международная жизнь*, № 10. С. 90–96.
- Пядышев Б.Д. (2009) А.А. Громыко – прочное место в дипломатии XX века. *Международная жизнь*, № 7. С. 96–108.
- Соколов В.А. (2009) Америка в судьбе семьи Андрея Громыко: к 100-летию со дня рождения А. А. Громыко. *США&Канада: экономика – политика – культура*, № 12. С. 85–94.
- Филитов А.М. (2009) *Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990*. Москва: Наука. 333 с.

Шустов В.В. (2009) Эпоха Громыко – во внешней политике XX века. *Международная жизнь*, № 7. С. 126–143.

References

- Bessmertnykh A.A. (2019) Ten' Mastera [The Shadow of the Master]. *«Voina mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo»: K 110-letiyu A.A. Gromyko* [«War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], ed. Al.A. Gromyko. Ves' mir; IE RAN, Moscow, pp. 58–72. (in Russian).
- Dallek R. (2013) *John F. Kennedy: ein unvollendetes Leben*. Pantheon, München. 759 p.
- Dolgievich R.V. (2018) *Zapadnyi Berlin i sovetskaya diplomatiya (1963–1969 gg.)* [West Berlin and Soviet Diplomacy (1963–1969)]. Aleteiya, Sankt-Peterburg. 244 p. (in Russian).
- Filitov A.M. (2009) *Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii, 1941–1990* [Germany in Soviet Foreign Policy Planning, 1941–1990]. Nauka, Moscow. 333 p. (in Russian).
- Giglio J.N. (2006) *The presidency of John F. Kennedy*. University Press of Kansas, Lawrence. 360 p.
- Gromyko Al.A. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy]. *«Voina mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo»: K 110-letiyu A.A. Gromyko* [«War between states is a great evil»: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], ed. Al.A. Gromyko. Ves' mir; IE RAN, Moscow, pp. 84–102. (in Russian).
- Gromyko An.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son.]. Nauchnaya kniga, Moscow. 444 p. (in Russian).
- Hybel A.R. (2014) *US foreign policy decision-making from Truman to Kennedy: responses to international challenges*. Palgrave Macmillan, New York. 249 p.
- Lekarenko O.G. (2014) Amerikano-zapadnogermanskii diskussii po proektu sozdaniya mnogostronnikh yadernykh sil [US-West German discussions on the project of creating a multilateral nuclear force]. *Germaniya na perekrestkakh istorii: problemy vnutrennei i vneshnei politiki v kontekste transformatsii mezhdunarodnykh otноshenii* [Germany at the crossroads of history: problems of domestic and foreign policy in the context of transformations of international relations], ed. S.I. Dmitrieva. Vyp. 5. VGU, Voronezh, pp. 3–12. (in Russian).
- Maksimychiev I.F. (2007) Kholodnaya voina ili istoricheskaya norma? [The Cold War or the historical norm?]. *International Affairs*, № 10, pp. 90–96. (in Russian).
- Pyadyshev B.D. (2009) A.A. Gromyko – prochnoe mesto v diplomatii XX veka [A.A. Gromyko – a strong place in the diplomacy of the XX century]. *International Affairs*, № 7, pp. 96–108. (in Russian).
- Shustov V.V. (2009) Epokha Gromyko – vo vneshnei politike XX veka [The Gromyko Era-in the foreign Policy of the XX century]. *International Affairs*, № 7, pp. 126–143. (in Russian).
- Snead D.L. (2010) *John F. Kennedy: the new frontier president*. Nova Science Publishers, New York. 250 p.
- Sokolov V.A. (2009) Amerika v sud'be sem'i Andrey Gromyko: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Gromyko [America in the fate of Andrei Gromyko's family: To the 100th anniversary of the birth of A.A. Gromyko]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, № 12, pp. 85–94. (in Russian).

A.A. Gromyko and the Security Policy (1963–1964)

Received 01.08.2021

Author. Sindeev A. Doctor of Science (History), Professor of RAS, Chief Researcher, Institute of Europe, RAS. **Address:** 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** a_sin74@mail.ru

Abstract. This article opens a series of research papers dedicated to the former Foreign Minister of the USSR Andrei Gromyko. His contribution to the development and implementation of the security policy is highlighted. The détente policy is understood as part of the security policy. The first article defines the security policy. The most important stages of A. Gromyko diplomatic career are highlighted. Problems of foreign policy continuity, the role that the personal factor plays, and the relationship between strategy and tactics are particularly important in the research the security policy. A distinction must be made between strategy and tactics in politics and diplomacy. This has an essential practical meaning because a correct balance of tactical and strategic approaches is a prerequisite for the success of the security system, which can be built within the framework of a certain paradigm. The author argues that the descriptive story (Part 4 of the article) is one of the possible variants of historiography explaining the role of the personal factor. Much more important, however, is to supplement traditional history with research, because this can lead to the «Gromyko rules» (Part 3 of the article). This helps to better articulate the lessons of history. The article contributes to the author's earlier works on the role of A. Gromyko and his diplomatic school.

Keywords: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021137149>